

A close-up portrait of a woman's face, partially obscured by a dark, textured hood. Her eyes are a striking, glowing orange color, contrasting sharply with the dark surroundings. Her hair is dark, with a few strands of reddish-brown visible near her face. The overall mood is mysterious and intense.

Карина Кони
Чужая
сторона

18+

Карина Кони

Чужая сторона

«Автор»

2026

Кони К.

Чужая сторона / К. Кони — «Автор», 2026

Однажды Мария Соколова шла домой привычным маршрутом — мимо булочной, мимо сквера, мимо аптеки на углу. Она думала про Достоевского и огибала лужи. Она не планировала менять мир. Тем более — чужой. Но разрыв посреди тротуара не спросил её мнения. Теперь она в королевстве Аркейн — без денег, без документов, без малейшего понятия, как здесь выжить. Единственный, кто согласился помочь — молчаливый наёмник с мечом на поясе и двумя ножами на теле. Его имя знают все. При нём бледнеют стражники и замолкают наёмники. Мария не знает, кто он. И разговаривает с ним так, как разговаривала бы с нерадивым учеником. Это его раздражает. Это его интригует. Это меняет всё. А ещё — в этом мире есть пророчество. И светлые кудри с чёрными глазами здесь не просто внешность. Это метка. Знак. Вопрос только в том — чего именно.

© Кони К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Карина Кони

Чужая сторона

Глава 1

Будильник сработал в семь утра — Мария отключила его раньше, чем он успел разойтись. Полежала ещё минуту, глядя в потолок, потом встала.

Душ, кофе, тосты. Ежедневный ритуал. Пока чайник грелся, она открыла окно — апрель, но холодно, с улицы тянуло сырым асфальтом и чьей-то выпечкой из соседней булочной. Кудри сразу отреагировали на влажный воздух и растопырились в стороны. Мария вздохнула, собрала волосы в пучок и закрепила двумя заколками. К обеду половина выбьется — она знала это и смирилась давно.

Завтрак она доела стоя, листая план уроков на телефоне. Шестой класс сегодня должен был сдать пересказ — она не питала иллюзий насчёт того, сколько из них реально готовились. Девятый писал контрольную. Одиннадцатый, её любимый одиннадцатый, снова будет спорить про Достоевского.

Она улыбнулась и допила кофе.

Одевалась быстро и без раздумий — широкие брюки, белая рубашка навывпуск, мягкий серый джемпер поверх. Привычный набор, отработанный годами. Удобно, нейтрально, никакого лишнего внимания.

Посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Кудри светлые, льняные, уже вполовину выбились из пучка — один локон лёг на щёку, она убрала его за ухо. Глаза чёрные, тёмные почти до черноты, на бледном лице выглядят всегда чуть серьёзнее, чем она себя чувствует. Губы чуть пухловатые — она провела по ним блеском, почти прозрачным, едва заметным, больше привычка, чем макияж. Джемпер сидит мешковато — как и должен, она так и выбирала. Под ним угадываются формы, но лишь угадываются — и это её устраивало. Поправила заколку, подхватила сумку с тетрадами.

Тетради она проверяла вечером, красной ручкой, с чаем и включённым телевизором, который всё равно не смотрела. Сумка весила килограмма три — она давно перестала это замечать.

На улице было пасмурно. Мария шла привычным маршрутом — мимо булочной, мимо сквера с облезлыми скамейками, мимо старой аптеки на углу. Двадцать минут пешком до школы, она не ездила на автобусе принципиально — это было её время, без учеников и без коллег, просто она и утренний город.

У школьных ворот её уже ждала Соня из шестого — с видом человека, у которого большие проблемы.

— Мария Андреевна, я пересказ не выучила, — сообщила она с порога, без предисловий.

— Я знаю, Соня.

— Откуда?

— Потому что ты стоишь здесь и ждёшь меня, а не сидишь в классе и не повторяешь.

Соня открыла рот, закрыла и понуро поплелась следом.

Мария толкнула дверь школы.

День прошёл именно так, как она и ожидала.

Шестой не выучил пересказ — почти весь. Девятый написал контрольную в гробовой тишине. Одиннадцатый спорил про Достоевского до звонка, и Мария ушла с урока в хорошем настроении.

В половине четвёртого она взяла сумку с непроверенными тетрадами и вышла.

На улице стемнело раньше, чем она рассчитывала — тучи затянули небо ещё днём, а сейчас накрапывал мелкий дождь. Мария подняла воротник и пошла привычным маршрутом.

Она думала про Достоевского, смотрела под ноги, огибала лужи. Наушники не надела — дождь, не хотелось.

Поэтому она услышала.

Не звук — скорее изменение. Воздух вокруг сделался другим: плотным, тёплым, с лёгким гудением, как от трансформаторной будки. Мария остановилась и подняла голову.

Посреди тротуара висел разрыв.

Иначе она не могла это назвать. Вертикальная щель в пространстве — края светились тусклым белым, внутри темнота, но живая, не пустая. Размером с дверной проём.

Мария сделала шаг назад.

Разрыв расширился, и воздух потянуло внутрь, как в открытое окно поезда. Сумка дёрнулась. Волосы хлестнули по лицу.

— Подождите, — сказала она вслух — непонятно кому.

Никто не подождал.

Глава 2

Тьма внутри разрыва втянула её за секунду — не было ни боли, ни звука, только ощущение, что пространство вокруг схлопнулось. Сумка, дождь, фонарь на углу — всё исчезло.

Потом был удар. Жёсткий, короткий — колени в земле, ладони в земле, волосы упали вперёд и накрыли лицо. Мария выдохнула, подождала секунду и подняла голову.

Лес.

Густой, тёмный, с толстыми стволами и низкими ветками. Пахло сырой хвоей и чем-то незнакомым — сладковатым, тяжёлым, не городским. Над головой — небо в звёздах, слишком много звёзд, плотных и крупных, не таких, как дома. Под руками — утоптанная грунтовая дорога.

Мария встала. Отряхнула брюки. Огляделась.

Разрыва за спиной не было — только деревья и темнота между ними.

Она достала телефон. Экран не загорелся. Она нажала кнопку ещё раз — ничего. Батарея была полная час назад.

Мария стояла и смотрела в темноту между стволами.

Она читала несколько книг про такое. Девушка попадает в другой мир, встречается кого-то, всё меняется. Читала с удовольствием, в выходные, с чаем — как читают что-то приятное и заведомо невозможное. Примерно с той же степенью доверия, с какой читают про драконов или говорящих котов. Но она не думала что такое вообще возможно.

И вот.

— Хорошо, — сказала она вслух. Собственный голос помогал. — Хорошо. Разберёмся.

Она не успела придумать, с чего именно разбираться.

Сначала — звук. Грохот копыт, нарастающий слишком быстро, слишком близко. Потом из-за поворота вылетела повозка — лошади шли галопом, постромки болтались, на козлах никого не было. Тяжёлая, гружёная, она занимала всю ширину дороги.

Мария шагнула в сторону — нога подвернулась на краю обочины, земля ушла вниз.

Удара не было.

Чужая рука — жёсткая, быстрая — схватила её за предплечье и рванула в сторону с такой силой, что она влетела в чьё-то плечо. Повозка прогрохотала мимо, так близко, что ветер хлестнул по щеке.

Мария выдохнула. Подняла взгляд.

Мужчина держал её за руку и смотрел вслед повозке. Высокий — она едва доставала ему до плеча. Тёмные волосы до плеч, растрёпанные. Лицо жёсткое, скулы резкие, на подбородке старый шрам. Дорожный плащ с грязью на полах.

Потом он посмотрел на неё.

Взгляд скользнул по джинсам, кроссовкам, куртке — и задержался. Не оценивающе. Скорее так, как смотрят на вещь, которая оказалась не там, где должна быть.

— Отпустите, пожалуйста, — сказала Мария.

Он отпустил сразу. Сделал шаг назад.

— Ты кто?

— Это сложный вопрос.

Он помолчал.

— Одна?

— Как видите.

Только сейчас она разглядела его толком.

Плащ был распахнут — под ним кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги, и тёмная рубашка, застёгнутая до ворота. На поясе — меч в простых ножнах, без украшений, явно

рабочий. На правом бедре крепился нож, ещё один — на предплечье, рукоять торчала из-под манжеты. Не для красоты. Человек, который носит столько железа, либо постоянно ждёт неприятностей, либо сам их причиняет.

Мария невольно сделала полшага назад.

Он это заметил.

— Не убегай, — сказал он без интонации. — Лес здесь плохой.

— Я не собиралась убегать, — ответила она, хотя именно это и мелькнуло в голове секунду назад.

Он снова оглядел её — сверху вниз, коротко. Джинсы, кроссовки, сумка на плече. Остановился на сумке.

— Что несёшь?

— Тетради.

Пауза.

— Что?

— Тет-ра-ди, — повторила она раздельно. — Ученические. Я учитель.

Он смотрел на неё так, словно она сказала что-то на незнакомом языке. Потом отвернулся, коротко свистнул — из темноты между деревьями вышел конь, крупный, вороной, и встал рядом как вкопанный.

— До города полдня пешком, — сказал Кейран, не оборачиваясь. — Ночью по тракту одна не дойдёшь.

— Я понимаю, — сказала Мария. — Именно поэтому я прошу вас меня подвезти.

Он взялся за луку седла.

— Не просила.

— Прошу сейчас.

— Откуда ты?

— Из Светлогорска, — сказала Мария.

Он смотрел на неё.

— Первый раз слышу.

— Я не удивлена, — пробормотала она себе под нос. Если этот лес, это небо и эта дорога — не её мир, то и город её здесь никто не знает. Логично. Почти.

Он не ответил. По лицу ничего нельзя было прочитать — ни недоверия, ни интереса. Просто принял к сведению. Это было неожиданно.

— Волосы, — сказал он коротко. — Такого цвета не бывает.

— Бывает, — возразила Мария. — Просто вы, видимо, не видели.

Он смотрел на неё ещё секунду. Потом — на глаза.

— И такого не бывает.

Мария невольно подняла руку — почти коснулась лица, но остановилась. Она не понимала, что именно его смущает. Светлые волосы, чёрные глаза — обычное дело, она всю жизнь с этим жила.

— Послушайте, — сказала она терпеливо, тем же голосом, которым объясняла шестому классу разницу между подлежащим и дополнением. — Я не знаю, где я. Я не знаю, как сюда попала. Мне нужно добраться до ближайшего города и разобраться, что происходит. Вы единственный человек, которого я вижу. Поэтому — пожалуйста.

Кейран молчал.

Он смотрел на неё и понимал, что именно его зацепило — не волосы и не глаза. Голос. Она разговаривала с ним без страха. Совсем. Ни дрожи, ни осторожности, ни того инстинктивного напряжения, которое он давно привык считывать в людях — когда они понимают, с кем говорят, и начинают взвешивать каждое слово. Стражники бледнели. Наёмники отводили

взгляд. Даже те, кто не знал его имени, чувствовали что-то — животное, безотчётное — и держались подальше.

Эта женщина стояла перед ним и объясняла про тетради тоном человека, у которого кончилось терпение.

Либо она не знала, кто он. Либо ей было настолько плохо, что ей было всё равно.

Оба варианта были одинаково странными. И одинаково любопытными.

Кейран не помогал незнакомцам. Это было не в его природе и не в его интересах. Он вытащил её с дороги — рефлекс, не решение. На этом его участие должно было закончиться.

Он взялся за луку седла.

Конь переступил копытом.

— Сзади сядешь, — сказал он. — Не разговаривай.

Мария посмотрела на коня. Конь посмотрел на Марию.

Она никогда не ездила верхом. От слова совсем. В книгах про попаданок этот момент обычно решался как-то сам собой — героиня оказывалась в седле, и всё. В реальности седло находилось примерно на уровне её плеча.

— Как залезть? — спросила она.

Кейран обернулся. Посмотрел на неё, потом на коня.

— Ногу в стремя. Руку на луку. Толчок.

— Я поняла теорию, — сказала Мария. — Я спрашиваю про практику.

Он молчал секунду. Потом, не говоря ни слова, подошёл, взял её за талию и поднял — коротко, без усилий, как поднимают что-то нетяжёлое. Мария успела только охнуть и схватиться за луку седла. Через мгновение она уже сидела сзади, растерянная и прямая.

— Держись, — сказал он и сел спереди.

— За что?

— За меня.

Мария помедлила. Потом осторожно положила руки ему на бока — едва касаясь, через плащ.

Конь тронулся, и она вцепилась крепче.

Они ехали молча. Лес стоял по обе стороны тракта — тёмный, плотный, без просветов. Где-то далеко кричала какая-то птица, незнакомая, с долгим хриплым голосом. Мария смотрела на деревья и думала, что в книгах никогда не писали про то, как болит спина от тряски и как неудобно сидеть боком на чужом коне в джинсах.

— Как вас зовут? — спросила она наконец.

Пауза.

— Кейран.

— Мария, — сказала она. — Можно просто Маша.

Он не ответил. Но и не сказал, чтобы она замолчала.

Они ехали долго.

Мария сначала считала минуты, потом перестала. Спина затекла, ноги затекли, пальцы, которыми она держалась за плащ Кейрана, тоже затекли. Она несколько раз меняла хват, он не реагировал.

Лес постепенно менялся — деревья расступались, между стволами появились просветы, потом поля, тёмные и плоские под ночным небом. Вдали замерцали огни.

— Это город? — спросила Мария.

— Да.

— Как называется?

— Аркем.

Она повторила про себя. Аркем. Ничего не говорит, но хотя бы есть название.

— Там есть постоянный двор?

— Несколько.

— Вы меня до одного довезёте?

Пауза была чуть длиннее, чем обычно.

— До ворот, — сказал он. — Дальше сама.

Мария кивнула, хотя он не мог этого видеть. До ворот так до ворот. Уже что-то.

Она смотрела на приближающиеся огни и думала про деньги. В кармане лежали несколько бумажных купюр и монеты — рубли, совершенно бесполезные здесь. В сумке — тетради, красная ручка, полупустая пачка влажных салфеток и засохший леденец на дне. Богатый набор для выживания в другом мире.

— У меня нет местных денег, — сказала она вслух, скорее себе, чем ему.

— Знаю.

— И что мне делать?

— Не знаю, — сказал он. — Не моя забота.

Мария помолчала.

— Понятно, — сказала она ровно.

Он покосился через плечо — едва заметно, на долю секунды. Она не обиделась. Не стала давить на жалость. Просто приняла к сведению и замолчала.

Это снова его зацепило.

Ворота города оказались массивными — тёмное дерево, окованное железом, над ними факел в кольце. Стражник у входа зевал, опираясь на копьё, но когда конь остановился рядом, выпрямился и поднял фонарь.

Свет упал на Кейрана.

Стражник побледнел.

— Проезжай, — сказал он быстро, не глядя. — Проезжай, господин.

Мария почувствовала, как Кейран чуть качнулся вперёд — небрежно, как человек, которого такое давно не удивляет. Конь прошёл под аркой ворот.

— Он вас знает? — тихо спросила она.

— Все знают.

— Вы настолько известны?

— Да.

Она подумала секунду.

— Чем вы занимаетесь?

Пауза.

— Убиваю людей, — сказал он просто, без интонации — так же, как говорил всё остальное.

Мария восприняла это. Переварила.

— За деньги?

— За деньги.

— Понятно, — сказала она.

Он снова покосился через плечо. Она не охнула, не попыталась слезть с коня, не вцепилась в него от страха сильнее. Сидела как сидела и смотрела на узкие улицы Аркема — на покосившиеся дома, на огни в окнах, на торговцев, сворачивающих лотки.

— Тебе не страшно, — сказал он. Не вопрос — констатация.

— Страшно, — ответила Мария. — Просто я не вижу смысла это показывать.

Конь цокал копытами по булыжнику. Где-то хлопнула дверь, пахло едой — жареным мясом и хлебом, и Мария вдруг поняла, что не ела с обеда.

— Вот, — сказал Кейран и остановил коня у широкого двухэтажного дома с вывеской — она не смогла разобрать буквы, но у входа горели два фонаря, и изнутри слышались голоса. — Постоялый двор.

Он спешился первым, потом помог ей — снова взял за талию, снял с коня одним движением. Поставил на землю.

Мария одёрнула джемпер.

— Спасибо, — сказала она.

Он уже разворачивался.

— Подождите, — сказала она.

Он остановился. Не обернулся.

— У меня правда нет денег. Совсем. — Она говорила ровно, без просьбы в голосе. — Я не знаю никого в этом городе. Я не знаю, как здесь всё устроено. Мне нужна помощь.

Молчание.

— Я не прошу бесплатно, — добавила она. — Я могу отработать. Я умею учить, умею готовить, умею —

— Молчи, — сказал он.

Она замолчала.

Он стоял спиной к ней и смотрел куда-то в конец улицы. Конь переступил копытом.

Потом Кейран обернулся.

— Одну ночь, — сказал он. — Я плачу за комнату. Завтра разбирайся сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.